

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ DISCUSSIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-1-7-16

Научная статья

Концентрационный мир нацистской Германии. Основные черты феноменологии непознанного

Б.Г. Якеменко

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

Система концентрационных лагерей нацизма, невзирая на обилие специальной литературы на эту тему, является феноменом, который только сегодня историческая наука начинает для себя раскрывать. Особенно сложной сферой для исследователей был и остается внутренний мир узников лагерей, ментальные, психологические и физические состояния, в которых оказывались заключенные. Это связано с тем, что одной из самых сложных проблем, с которой сталкивается исследователь феноменологии Концентрационного мира, становится непосредственно проблема понимания указанного явления. Возможно ли понять эту феноменологию и если возможно, то в какой степени? В статье делается попытка ответить на этот вопрос исходя из рассмотрения различных состояний узника в лагере.

Ключевые слова: концлагерь, понимание, нацизм, психология, узник, свидетель

В данной статье речь пойдет о нацистских концентрационных лагерях как феномене социальной жизни и общественной мысли Европы середины – второй половины XX столетия. Феномене, масштаб влияния которого на общественное сознание европейцев до сих пор до конца не осознан. Сегодня, когда мир переживает кризис политических и общественных институтов, в связи с чем забвение или даже оправдание худших страниц истории XX в. становится инструментом влияния на социум, средством решения политических и экономических проблем, остается все меньше надежд, что это осознание произойдет. Это делает данную статью особенно актуальной, тем более что интерес к нацистским концентрационным лагерям в европейской

© Якеменко Б.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

исторической науке и общественном пространстве возрастает прямо пропорционально удалению нацистских концентрационных лагерей в горизонт прошлого [1. С. 28–35]. Одним из репрезентативных показателей этого интереса является активное развитие в последние годы одного из направлений «археологии современной истории» – археологии лагерей (*Lagerarchäologie*), в рамках которой исследуются территории бывших нацистских концентрационных лагерей [2].

Сегодня в европейском интеллектуальном пространстве активно идут споры по поводу исторической памяти и ее форм. В ходе этих дискуссий исследователями Д. Леви и Н. Шнейдером было констатировано, что нынешняя переломная эпоха маркирована, в частности, сменой мемориальных паттернов [3. С. 87–106]. Эта смена, по их мнению, выражается в том, что эпоха национальной памяти, начавшаяся в 1960-х гг., когда основной опорной фигурой памяти был Герой, действующий в национальных рамках, вытесняется временем космополитической памяти, главной фигурой которой становится вненациональная Жертва, существующая в пространстве, не ограниченном ни национальными, ни культурными, ни религиозными рамками.

Если первая направляет процессы, формирующие память, «сверху» и с помощью социальных и политических институтов создает пространство памяти и фигуру Героя, то вторая ориентирована на восходящие «снизу» голоса Жертв, голоса, из которых складывается ткань памяти [4]. И если фигура Героя закрывает прошлое, то фигура Жертвы открывает будущее, если Герой вступал в конфликт с виновником случившейся трагедии, то Жертва ищет с ним компромисса, который основывается на взаимном признании истории «другого». На место зверств, которые пережили узники, после ухода всех непосредственных свидетелей трагедии приходит способность к рефлексии по поводу зверств и обмен воспоминаниями жертв и преступников. Как способность к рефлексии, так и обмен воспоминаниями стимулирует память об общем прошлом.

Данная трансформация связана с тем, что сегодня в Европе в результате глобализационных процессов все большее число людей перестает определять себя только через принадлежность к определенной нации или этносу. В этих условиях закономерно возникает несколько вопросов. В каких формах будет происходить осознание произошедшего, сохраняется ли у нынешних поколений возможность объективно судить о событиях, к которым эти поколения не имеют прямого отношения? В чем социальный и политический смысл новой культуры памяти? Возможно ли в новых условиях объективно судить о произошедшем и какова степень этой объективности?

Однако западноевропейская историографическая база тематики, связанной с нацистскими концентрационными лагерями, пополняется сегодня, главным образом, историческими и социологическими исследованиями. Они добавляют многое к уже существующей фактологической картине, но не касаются нацистских концентрационных лагерей как источника для изучения

ранее не исследованных состояний человеческого сознания, государства и социума. Что касается отечественной историографии, то в ней не существует серьезных исследований феноменологии «Концентрационного мира» и данная статья – это первая попытка подобного рода.

Употребленное выше словосочетание «Концентрационный мир», вынесенное в заголовок данной статьи, впервые в названии своей работы употребил в 1946 г. Д. Руссе (*l'univers concentrationnaire*) [5] и, на наш взгляд, это словосочетание наиболее точно и обобщенно передает суть рассматриваемого явления. Поэтому оно будет использоваться в тексте настоящей статьи без кавычек.

Концентрационный мир нацизма стал уникальным явлением, местом, где была установлена монополия на исторический процесс, носителем которого становилось тотальное государство, определявшее субъектный и устанавливавшее объектный статус тех, кто попадал в орбиту лагеря. В Концентрационном мире история уступала место мифологии, там воскрешались архаические, пралогические формы мышления и действия, упразднились правила и законы, на которых держалась европейская цивилизация. В основе этого мира лежали насилие и смерть. Их формы и разновидности становились главными маркерами категорий «населения» мира. Поэтому Концентрационный мир являлся основой, на которой строилось, в терминологии Карла Шмитта, «тотальное государство» Третьего Рейха и тоталитарность как его неотъемлемая часть. Этот мир стал местом, где была сделана попытка в кратчайшие сроки путем беспрецедентного морального и физического давления создать физически и духовно принципиально нового человека, насильно интегрированного в это государство и способного раствориться в тоталитарности.

Идеология «обновления человека», которая владела Европой в первой четверти XX столетия и выливалась, в частности, в России в «новую биологию», «биокосмизм» и попытки вызвать «катаклизматическое» перерождение всего населения планеты, в нацистской Германии легла в основу создания Концентрационного мира – территории, где любая невозможность становилась возможностью, где рушились все прежние иерархии и строилась новая структура мира и государства. Именно Концентрационный мир создал несколько социальных и политических «формул», которые позволяют и сегодня понять логику действий человека и государства в условиях крушения общепринятых норм и правил. Не случайно в наши дни историки, политики, общественные деятели все чаще обращаются к истории Концентрационного мира, рассуждения о роли и месте освободителей лагерей используются как аргумент в современной политической риторике, обвинения в проповеди нацизма и реализации «холокоста» звучат в адрес самых разных политических лидеров. Поэтому понимание многих процессов, происходивших в нацистских лагерях, исключительно важно для поиска ответов на вопросы, которые ставит современная политическая и социальная реальность.

Концентрационный мир стал территорией, где была сделана попытка отделить настоящее от прошлого, разрешить конфликт между прошлым, окрашенным памятью о Версале, и настоящим, пронизанным мечтами о «Тысячелетнем Рейхе» в рамках не продолжения истории, а в порядке ее преодоления, то есть возбуждения в истории бессилия, отмены власти истории над жизнью и человеком. Концентрационные лагеря нацизма стали попыткой в целом перспективно выйти из кризиса Западного мира, констатированного О. Шпенглером. Этот выход осуществлялся через радикальную отмену всех норм и правил, которые, как считалось, и привели к этому кризису, то есть оказались ложными. Массовое и тотальное уничтожение не только людей, но также памятников культуры и населенных пунктов (наиболее характерный пример – чешская деревня Лидице, где нацисты уничтожили все строения и вывезли их обломки, засыпали пруд, отвели реку в новое русло, разровняли дорогу, которая вела к деревне, и опустошили даже местное кладбище) создавало обширное пустое пространство на месте истории, куда предполагалось поместить мифологию.

Традиционная схема «Древний мир – Средние века – Новое время» должна была получить свое завершение в Концентрационном мире, в котором времени уже не существовало – многие узники отмечают, что у них возникало странное ощущение деформации времени, его отмены («Времени не было. Сколько времени мы простояли на ветру? Час? Один жалкий час? Шестьдесят минут?») – спрашивал себя узник Освенцима Э. Визель [6. С. 74]), запуска механизма языческого (по Л. Альтюссеру – «невротического») [7. С. 138]) круговращения реальности, где каждый узник, каждый эсэсовец, каждый барак при всей их внешней разности многократно повторялись в окружающей действительности как один и тот же «усредненный», наделенный признаками знака узник, эсэсовец и барак. Это состояние попытался воссоздать в своем девятичасовом фильме «Шоа» (1985 г.) К. Ланцман, применив особый вид монтажа, с помощью которого свидетельства, пейзажи, персонажи все время возвращаются к некоей «точке бифуркации», которая остается неосознанной и неатрибутируемой в конкретных категориях, однако именно эта точка и формирует всю логику фильма.

Концентрационный мир был, в отличие от остального мира, характеризуемого принципиальной невозможностью завершенности, структурой завершенной, и эту завершенность закономерно утверждала смерть, занимающая основную часть метафизического и мифологического пространства концентрационного лагеря. Эта эсхатологическая завершенность легла в основу попытки переучреждения государства, фундаментом которого традиционно и ритуально становилась кровь жертв, правда, не лучших, как было в языческих обществах, а, как считалось, худших. При этом кровь была важнейшим условием, исключающим остановку или движение назад, условием, заставляющим идти только вперед, так как в противном случае осознание того, что огромные жертвы были принесены напрасно, стало бы главным

стигматизатором системы и не позволило бы ей уцелеть. Кроме того, кровь являлась самым убедительным доказательством того, что развитие и утверждение системы не фикция, что поставленные задачи решаются ею на пределе собственных возможностей. Реальность крови становилась знаком реальности происходящего, только кровь имела значение, становилась безусловным фактором, в то время как все остальные были условны.

Выход «плохой» крови, замедление а затем и полная остановка ее воспроизводства через массовое уничтожение людей должны были привести к очищению структуры существующей системы и стать залогом вечного существования нацистского государства. Это существование понималось не как приобретенное свойство системы, а как изначальное ее свойство, обеспечиваемое отсутствием внешних деструктивных факторов, могущих стать причиной ее гибели. То есть нацистское государство было как бы изначально явлено, существовало всегда (его проявления в своих прозрениях видели, по мнению нацистских лидеров, Ницше и Вагнер), но было погребено под спудом отживших традиций, отработанных идей, прежнего политического и экономического порядка, лишних, чужих людей.

В этих условиях главной задачей становилась тотальная «расчистка» этих наслоений, эффективность которой обуславливалась полным упразднением всех ранее существовавших моральных, идеологических, политических, антропологических границ. Второй, не менее важной задачей, было не допустить любой внешней угрозы. Поэтому не имело значения, кого уничтожать – детей, стариков или солдат, возраст и состояние жертв не принимались в расчет, речь шла не о терминах, не о категориях, а о свойствах и качествах. Еврейский или цыганский ребенок был прежде всего только евреем или только цыганом, а не ребенком, уничтожали просто, вообще, евреев, цыган, русских, поляков, а не стариков и женщин, не уничтожали людей, а стирали темные пятна с безукоризненного образа вечного, изначального Рейха. Такой подход, обеспеченный на практике точно выстроенным процессом дегуманизации жертв, сведенных к пронумерованным биологическим объектам, исключал упреки в жестокости и бесчеловечности, и именно поэтому нацистские преступники, такие как Адольф Эйхман, оказавшиеся на скамье подсудимых, искренне не понимали предъявляемых им обвинений.

Концентрационные лагеря обеспечили, помимо тоталитарности, абсолютную (тотальную) тотальность нацистского государства, именно в лагерях велась возгонка этой тотальности, которая пронизывала собой все. Под тотальностью мы понимаем доведенные до предела прочности социальные и ментальные связи, обеспечивавшие изнутри (в отличие от тоталитарности, обеспечивавшей извне) слияние общества в массу. То есть масса – это следствие тотальности, это общество, сжатое до сверхвеличин, когда ментальное и даже физическое расстояние между социальными и антропологическими объектами становится сверхмалым, когда идея превращается в физиологию или даже биологию и наоборот и тотальность выступает главным инструмен-

тарием этой трансформации. Иллюстрацией к этому тезису являются фильмы Лени Рифеншталь и многочисленные свидетельства о физиологическом или даже сексуальном возбуждении толпы во время выступлений Гитлера.

От подъема до отбоя вся структура жизни заключенного отражала в себе символическую систему тоталитарного и тотального государства и указывала узнику место на самых нижних ярусах системы или даже под ее поверхностью [8. С. 29]. При этом тотальность закономерно была тем абсолютнее, чем больше людей попадало в лагеря и чем жестче было с ними обращение. Не случайно первый период истории Концентрационного мира (до 1940 г.) – это лагеря для перевоспитания и исправления (преимущественно трудовые), где заключенные сохраняли некоторые права и даже освобождались (в первые месяцы Великой Отечественной войны из лагерей освобождали даже военнопленных (белорусов, украинцев, прибалтов) – за три месяца войны освободили около 300 тысяч человек [9. С. 213]), и только с активным развитием событий Второй мировой войны, когда тотальность по сути сменяет государство, начинается второй этап. Именно тогда создаются лагеря смерти. Концентрационные лагеря были главным и непременным условием существования этой тотальности, они были теми реперными точками, к которым была привязана «карта» фашизма, и именно поэтому они не могли в будущем исчезнуть по определению. Концентрационный мир парадоксальным образом был гарантией реальности Рейха, необходимым условием этатистского самоощущения нацистской Германии как сильной и несокрушимой державы.

Осью Концентрационного мира, на которой держалось все – от архитектурной формы лагерей до внутреннего распорядка – было абсолютизированное, отменяющее любую рефлексию насилие. В концентрационных лагерях насилие в ходе преодоления истории компенсаторно встало на ее место рядом с мифологией (мифология традиционно не просто сопровождается насилием – насилие есть одно из основных средств превращения истории в мифологию), став основной движущей силой государства, что подтверждает высказанный выше тезис о неотменимости лагерей в будущем. Насилие, использовавшееся нацистским государством в первый период своего существования как средство, в Концентрационном мире стало целью, сущностью нацистского государства, сменившей все формы ненасильственного принуждения, существовавшие ранее, за пределами лагерей.

Беспрецедентность насилия во многом объяснялась тем, что оно было постоянно ощущаемым следствием чрезвычайного давления государства на общество, через насилие государство предъявляло себя социуму. В результате этого давления должна была выкристаллизоваться упомянутая выше принципиально новая категория людей (как при чрезвычайном давлении графит превращается в алмаз), которая обеспечит необратимость времени. Не случайно строительство «нового человека», поиски новых физических воз-

возможностей человека, выливающиеся в Концентрационном мире в изуверские эксперименты над людьми, пронизывают всю идеологию Третьего Рейха.

При этом главным объектом этого давления были как раз не столько узники, сколько эсэсовцы, обслуга лагерей, оказавшиеся между молотом и наковальней – государством и заключенными. Именно эсэсовцы должны были стать теми самыми «новыми людьми». Государство оказывало на них административное, уставное, идеологическое давление сверху, они, в свою очередь, становились «усилителями сигнала», трансформируя это давление в насилие по отношению к заключенным. Последние отвечали как активным (акты неподчинения, саботаж, обман), так и пассивным (крик, видимые мучения, проклятия) сопротивлением, то есть давили снизу. Это не делает эсэсовцев страдающей стороной, но объясняет место и роль насилия в Концентрационном мире.

В условиях, когда Третий рейх и его фюрер официальной пропагандой описывались в религиозных категориях как сбывающаяся мечта человечества о светлом, сияющем, совершенном мире [10], когда были очерчены контуры новой, квазизыческой структуры, которая должна была религиозно оформить Третий Рейх, Концентрационный мир становился знаком преисподней, поглощающей тех, кто выброшен из своей биографии и из бытия, краем света, за которым темнота. Это сознавали и сами его организаторы. «Гауптшарфюрер Гило, гарнизонный врач, – вспоминал комендант Освенцима Р. Гесс, – был прав сегодня, говоря, что мы здесь находимся при *anus mundi* (анальном отверстии мира)» [11. С. 202]. И если метафизической основой Третьего Рейха становится квазизычество, то концентрационные лагеря выполняют роль капищ или даже «городищ-святилищ», где день и ночь пылают жертвенные костры, на которых приносятся многотысячные жертвы идолам нового религиозного культа.

Насилие было необходимым условием формирования указанной структуры, так как оно в архаических практиках (воскрешение архаических, пралогических практик в нацистском государстве может стать темой отдельной работы) было источником священного. «Именно опыт насилия интерпретировался, как нечто сверхъестественное, – говорит антрополог Р. Жирар – потому что когда люди спасаются через опыт коллективного насилия, они не могут думать, что они сами совершили насилие – им приходится придумывать какую-то стоящую над ними силу. Это и есть начало религии» [12. С. 38]. Именно в этих квазизыческих категориях разнообразие форм насилия и убийства напрямую соотносилось с разнообразием статусов узников и их поступков, определяло в системе место вождя и становилось структурообразующим метафизическим началом.

При этом насилие могло существовать и действовать только там, где «возможно все», то есть в пространстве невозможного, которым стал Концентрационный мир. Из этого «невозможного» вытекало кажущееся абсурдным положение, которое было точно зафиксировано Х. Арендт: «Поддержи-

вать работу фабрик смерти было важнее, чем выиграть войну» [13. С. 398] Однако это было именно так. Экономическая целесообразность концентрационных лагерей постоянно приносилась в жертву политической необходимости и идеологическим фантомам. Ничем иным нельзя объяснить «уничтожение миллионов расовых врагов, вне зависимости от их потенциальной полезности для военной экономики Рейха» [14. С. 665]. Экономика – это рациональность, объективность, имеющая понятные категории измерения, в то время как насилие направляется и подпитывается иррациональностью, оно есть порождение фантомов сознания, следствие субъективности, возведенной в абсолют, доведенной до пределов, даже если эта субъективность воплощена в рамках государственной идеологии.

Вместе с этим Концентрационный мир стал местом, где произошел сброс традиции, что позволило допустить массовые убийства и радикально очистить структуру государства в преддверии остановки времени и полного исчерпания истории. То есть лагеря стали местом утилизации протестных и вообще любых антисистемных настроений, знаком окончательного разделения общества на тех, кто достоин и тех, кто обречен. Концентрационный мир стал ответом на соблазн совершить прямой скачок в будущее, проигнорировав период долгого строительства. Война и насилие в человеческой истории всегда были способом ускорения исторического времени, кардинального решения накопившихся серьезных проблем. Эти проблемы в мирное время (то есть в обычных обстоятельствах) нередко невозможно решить, но можно это сделать в чрезвычайных обстоятельствах, которые складываются в ходе войны, и они же оправдывают все военные издержки, прежде всего, морального плана, согласно распространенной формуле «победителей не судят».

Именно поэтому Концентрационный мир решал сразу несколько глобальных задач. Двигал вперед некоторые отрасли экономики (причем это движение почти ничего не стоило – рабский труд был дешевле труда животных), создавал «нового человека» из эсэсовцев и тех заключенных, которые были кооптированы системой, и, наконец, «легально» уничтожал тех, кто не соответствовал новым требованиям. Таким образом, именно в концентрационных лагерях строилась новая социальная структура Рейха и деиерархизировался старый мир.

Концентрационный мир стал возможен как совокупность нескольких факторов, которые по отдельности не представляли глобальной опасности, но сложились в систему, равной которой по степени бесчеловечности в истории не существовало. Среди этих факторов бюрократия, техника, транспорт, средства связи. Каждый из этих факторов можно объяснить и принять, но их синхронное суммирование приводит не к пониманию явления, а наоборот – полученная сумма являет собой совершенно иррациональное явление. Связанные в единую систему, доведенную до пределов рациональности, все эти факторы привели, главным образом, к тому, что массовые убийства стали формальностью, совершение которой не причиняло моральных

страданий исполнителям. Совпадение трех условий, по мнению Герберта С. Кельмана – насилие узаконивается, действия рутинизируются, жертвы насилия дегуманизируются [15. С. 38] – имело закономерным финалом Концентрационный мир, который стал тестом на скрытые возможности современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- [2] Bernbeck R., Pollock S. “Archäologieder Nazi-Zeit” Diskussionenund Themen // Historische Archaologie. Vol. 2013. Issue 2.
- [3] Levy D., Szeide r N. Memory Unbound. The Holocaustand. The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1).
- [4] См. <https://collections.arolsen-archives.org>.
- [5] Rousset D. L’univers concentrationnaire. Paris. Hachette Litteratures, 1946.
- [6] Визель Э. Ночь. М., 2017.
- [7] Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер. М., 2016.
- [8] Buchenvald K.L. Post Weimar. Buchenvald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation., 2006.
- [9] Дворниченко О. Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М., 2017.
- [10] Клемперер В. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840
- [11] Кремер Б. Освенцим в глазах СС. Гесс. Государственный музей в Освенциме, 1975.
- [12] Покой убийством. Беседа Р. Жирара с А. Ритулсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017.
- [13] Арндт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018.
- [14] Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018.
- [15] Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013

REFERENCES

- [1] Vel’cer H. Istoriya, pamyat’ i sovremennost’ proshlogo. Pamyat’ kak arena politicheskoy bor’by // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2–3 (40–41).
- [2] Bernbeck R., Pollock S. “Archäologieder Nazi-Zeit” Diskussionenund Themen // Historische Archaologie. Vol. 2013. Issue 2.
- [3] Levy D., Szeide r N. Memory Unbound. The Holocaustand. The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1).
- [4] См. <https://collections.arolsen-archives.org/>
- [5] Rousset D. L’univers concentrationnaire. Paris. Hachette Litteratures, 1946.
- [6] Vizel’ E. Noch’. М., 2017.
- [7] Vstrecha: Merab Mamardashvili – Lui Al’tyusser. М., 2016.
- [8] Buchenvald K.L. Post Weimar. Buchenvald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation, 2006
- [9] Dvornichenko O. Klejmo. Sud’by sovetских voennoplennyh. М., 2017.
- [10] Klemperer V. Yazyk Tret’ego Rejha. Zapisnaya knizhka filologa. https://royallib.com/read/klemperer_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840

- [11] Osvencim v glazah SS. Gess. Broad. Kremer. Gosudarstvennyj muzej v Osvencime, 1975.
- [12] Pokoj ubijstvom. Beseda R. ZHirara s A. Ritulsom // Rigas Laiks. 2017.
- [13] Arendt H. Opyty ponimaniya. 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm. M., 2018.
- [14] Tuz A. Cena razrusheniya. Sozdanie i gibel' nacistской ekonomiki. M., 2018.
- [15] Bauman Z. Aktual'nost' Holokosta. M., 2013

Research article

The world of concentration camp in Nazi Germany. The main features of the phenomenology of the unknown

Boris Yakemenko

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, Russia, 117198

The system of concentration camps of Nazism, despite the abundance of special literature on this topic, is a phenomenon that only today historical science begins to reveal to itself. The inner world of the prisoners in the camps, the mental, psychological and physical conditions in which the prisoners found themselves, was and remains a particularly difficult area for researchers. This is due to the fact that one of the most difficult problems faced by the researcher of the phenomenology of the Concentration world is directly the problem of understanding this phenomenon. Is it possible to understand this phenomenology, and if so, to what extent? The article attempts to answer this question based on the consideration of the various conditions of the prisoner in the camp.

Keywords: Concentration camp, understanding, Nazism, psychology, prisoner, witness

Информация об авторе / Information about the author

Якеменко Борис Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры Истории России Российского университета дружбы народов, г. Москва.

Yakemenko Boris – *PhD in History*, People's Friendship University of Russia, Moscow. E-mail: Borislj@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Якеменко Б.Г. Концентрационный мир нацистской Германии. Основные черты феноменологии непознанного // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 1. С. 7–16. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-7-16>

Yakemenko B.G. The world of concentration camp in Nazi Germany. The main features of the phenomenology of the unknown // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 1. P. 7–16. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-1-7-16>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 21.01.2020